

Записки путешествующего ветеринара: нескучные истории о диких пациентах

Автор:

Джонатан Крэнстон

Записки путешествующего ветеринара: нескучные истории о диких пациентах

Джонатан Крэнстон

Тайны жизни животных

Джонатан Крэнстон не обычный ветеринар. Кроме своей повседневной работы в сельской местности Глостершира, где он лечит коров, свиней, собак и кошек, он путешествует по всему миру и работает с самым удивительным разнообразием животных, включая крокодилов, носорогов и панд. В своей увлекательной манере автор знакомит с некоторыми из своих пациентов – от любимых домашних питомцев до великолепных диких зверей. Будь то микрочипирование броненосцев, обезболивание жирафов или рождение теленка, любовь Джонатана к своей работе и всему животному царству заразительна. Истории в этой книге, от нелепых (кастрирование сахарной сумчатой летяги) до опасных (столкновение с жертвами браконьерства носорога), будут восхищать и очаровывать каждого любителя животных.

Джонатан Крэнстон

Записки путешествующего ветеринара: нескучные истории о диких пациентах

JONATHAN CRANSTON

THE TRAVELLING VET. From Pets to Pandas: My Life with Animals

First published in Great Britain in 2018 by Allen & Unwin Text and photographs (unless otherwise noted) copyright

© Jonathan Cranston, 2018

Illustrations copyright © Sarah Jones, www.sjonesfineart.com
(<http://www.sjonesfineart.com/>)

The moral right of Jonathan Cranston to be identified as the author of this work has been asserted by him in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act of 1988.

© Платонова Т.Л., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

От автора

Животные. Этот термин включает в себя великое множество разнородных живых существ, населяющих нашу планету. Количество одних только отдельных видов варьируется от двух до пятидесяти миллионов. Большинство людей воспринимают животных как случайных обитателей их мира: паук в ванной, птица в саду, крыса в гараже или обезьяна, воруящая продукты с прилавков. Для меня же они всегда составляли неотъемлемую часть жизни. Насколько я помню, осознанное желание стать ветеринаром появилось в возрасте шести лет.

Теперь, через 31 год и через 11 лет после квалификационного экзамена, эта страсть только усилилась. Ежегодные поездки в Африку и счастливая возможность поработать с самыми разными видами братьев наших меньших способствовали расширению моих горизонтов в понимании того, насколько ярок и разнообразен их мир. И если мне, трехлетнему, было вполне достаточно

общества цыплят, ягнят и собак, то теперь, в тридцать семь лет, я имею дело с большими пандами, жирафами, леопардами, носорогами и восторгаюсь ими так же, как в детстве. Подобно тому, как наркоман жаждет очередной дозы или серфингист ждет следующей большой волны, я жду встречи с представителем дикого мира и становлюсь фанатом его царства. Меня пленяет сама возможность встречи и общения с любыми новыми видами. Поэтому опыт прямого общения с животными в их естественной среде обитания, знакомство с ними я принимаю как привилегию и вношу вклад в увеличение их популяции.

То, что начиналось с мечты шестилетнего мальчика – стать ветеринаром, – теперь трансформировалось в желание путешествовать по миру и наблюдать зрелищное многообразие видов, населяющих нашу планету.

Эта страсть разгорается сильнее от великого разнообразия братьев наших меньших, которое я встречаю: от нильского крокодила, существующего еще с первобытных времен, до милой сахарной сумчатой летяги или загадочного снежного барса.

Однако развитие моих интересов ничуть не уменьшило радость и трепет, которые я испытываю каждый день, работая сельским ветеринарным хирургом в Соединенном Королевстве. Даже спустя одиннадцать лет это занятие продолжает меня увлекать и бросать мне вызовы. Никогда не было и не будет так, чтобы один день походил на другой. Отправляясь на работу, я никогда не знаю, что придется пережить, с какими животными или ситуациями мне придется столкнуться. Собака, корова, кролик, лошадь, курица, поросенок, альпака или черепаха будут моими пациентами сегодня; смерть, жизнь, трагедия, триумф, бурное веселье, серьезность, рутина или неожиданность станут спутниками, ведь у меня совершенно уникальная профессия. Каждый миг похож на «американские горки». В ту минуту, когда приходит понимание и осознание решения проблемы, возникает мысль о необходимости учиться дальше и глубже.

Существует распространенное заблуждение, что быть ветеринаром – значит, работать исключительно с животными. На самом же деле больше приходится работать с людьми. У лучших в мире ветеринаров безупречная репутация складывается лишь в том случае, если они умеют правильно общаться с хозяевами своих пациентов. Но это происходит при осознании человеком красоты и своей связи с обитателями Земли, которая не менее удивительна, уникальна и ценна, чем взаимоотношения любых индивидуумов, живущих на

нашей планете.

И какими бы ни были обстоятельства, работа неизбежно предполагает понимание и управление этой связью, умение разделить радость или печаль, мягко исправить или подбодрить, настоять на своем или смириться в зависимости от ситуации. И неважно, кто это – инуиты[1 - Инуиты – этническая группа коренных народов Северной Америки, проживающая приблизительно на 1/3 северных территорий Канады от полуострова Лабрадор до устья реки Маккензи.], полагающиеся на стаю своих ездовых собак, или непалец, пашущий землю на волах; монголы, выходящие на охоту с орлами; фермер, знающий весь свой скот по именам; работник зоопарка, который ежедневно кормит его обитателей и заботится о них; одинокая вдова, единственным компаньоном которой является собака, или ребенок со своим первым домашним питомцем...

Ощущение этой связи добавляет радости и интереса в мою работу. И хотя я не раз был свидетелем проявления людьми необъяснимой жестокости к дикому населению планеты, у меня есть множество примеров проявления ими лучших качеств человеческой природы. И встретить в своей жизни людей, которые заботятся о четвероногих друзьях, для меня не меньшее счастье, чем возможность самому заниматься ими.

Надеюсь, что в этой книге я смогу передать всю любовь, которую испытываю к своей работе, чтобы читатель почувствовал, какой странной и удивительной может быть жизнь ветеринарного врача. Я поведаю вам правдивые истории – от самых вдохновляющих до абсурдных. Некоторые имена и названия мест в моих рассказах были изменены, чтобы защитить частную неприкосновенность. Герои повествований – домашние питомцы, либо домашний скот, либо обитатели зоопарков или дикой природы. Я решил поделиться отдельными фактами о жизни этих удивительных животных и привлечь внимание общества к тому бедственному положению, в котором многие из них находятся. В моих историях нет никакой хронологии и алфавитного порядка в зависимости от географии их обитания. Красота жизни – любой жизни – в ее богатой и произвольной мозаике. И один из самых радостных и увлекательных моментов заключается для меня в непредсказуемости событий: что произойдет завтра или кто войдет в мою дверь.

И сейчас я с удовольствием приглашаю вас зайти в мой врачебный кабинет. Ведь эта книга и есть собственный список пациентов. Каждая глава будет знакомить вас с новым пациентом – отдельным животным со своей индивидуальностью и конкретной проблемой.

Джонатан Крэнстон.

Март 2018 года

Вступление

О величии нации можно судить по тому, как она относится к своим животным.

Махатма Ганди

Вряд ли найдется много врачей, которым приходилось накладывать швы динозавру. Это не тот род деятельности, который бы всерьез воспринял преподаватель по профориентации, меня мой даже отговаривал учиться на ветеринара. Он чувствовал, что конкурс будет очень высоким, и мне придется сильно постараться. После тринадцати отказов он, возможно, был прав, но мечту шестилетнего мальчика было не так-то легко заглушить.

И теперь, после окончания учебы, я не только стал специалистом, но и изучил практически каждую грань своей профессии, побывал на четырех континентах, имел дело с самыми известными животными на планете и предоставлял услуги ветеринара в рамках съемочного процесса по созданию многомиллионного голливудского блокбастера. Вспоминая сейчас обо всем, я так до конца и не верю этому.

«Есть миллионы способов прожить эту жизнь, мой друг».

Слова Билла эхом отдавались в голове, когда я внимательно озирался из окна своей машины. Стояло достаточно теплое сырое ноябрьское утро. По ощущениям, скорее осень, чем преддверие зимы. Мы с Биллом, другом нашей семьи, ехали по дороге, петляющей мимо симпатичных деревушек и долин

Брекон-Биконс. Низко стелющийся туман создавал вокруг сюрреалистичный волшебный мир. Я подумал о тех людях, что жили в домах, мимо которых мы проезжали, фермерах, создающих этот прекрасный ландшафт, владельцах магазинов, почтальонах и водителях автобусов. Все они жили своей жизнью, и каждая жизнь представляла собой многократный выбор, уйму возможностей, историй, трагедий, чудес, которые привели их к той, которой они жили в этот сырой ноябрьский день 2015 года.

Моя судьба легко могла сложиться иначе. Свою мечту я лелеял с шести лет. Да, действительно хотел быть ветеринаром. И ничто не могло изменить и не изменило моего решения. Хотя первые намеки появились, пожалуй, еще раньше. На самых ранних снимках – я тогда едва научился ходить – я запечатлен в обнимку с цыплятами, ягнятами или уснувшим рядом с золотистым ретривером[2 - Ретриверы – один из типов охотничьих собак. Задача таких собак – найти и принести охотнику подстреленную добычу неповрежденной. Поэтому они должны обладать хорошим нюхом, мягким характером и мягкой челюстью.] дедушки и бабушки. Вы скажете, что это было предрешено свыше. Да, и я ни разу в этом не засомневался. И все-таки в воскресенье 13 августа 2000 года готовился к изучению клеточной патологии и микробиологии в Бристольском университете. К этому времени я уже дважды провалил вступительные экзамены во все ветеринарные школы Соединенного Королевства и один раз в Университетский колледж Дублина. Годом ранее пришлось отказаться от предложения изучать зоологию в Ливерпуле и взять вынужденный академический отпуск в надежде, что позже хоть где-нибудь получу место ветеринара. И где бы я был в 2017 году, выбрав иной путь? Другой город, другие друзья, другая карьера. Мой мозг взрывается от миллиона возможных комбинаций. И даже в рамках выбранной карьеры ветеринара все могло сложиться иначе.

Помню, как сидел однажды вечером за столом в компании друзей в гостиной моих родителей. Вечеринка по случаю моего восемнадцатого дня рождения подходила к концу. Я допивал пиво. Музыка становилась тише, а фонари ярче. Нас окружали пустые бутылки, недопитые стаканы, пятна от красного вина на скатерти, недоеденные закуски и чашки со снеками и чипсами. Родители деловито подчищали все вокруг, пока мы продолжали болтать. Чудесное настроение располагало к размышлениям. Нам предстояло предпринять несколько важных шагов в своей жизни, в связи с чем мы делились своими надеждами, планами и мечтами. Где каждый из нас будет через десять лет? Для меня ответ был довольно прост.

Это будет происходить посреди поля в шесть утра. Лучи солнца еще только начнут пробиваться сквозь сырое туманное весеннее утро. Мой зеленый Land Rover Defender припаркован с открытой задней дверью. Две собаки носятся по полю. Я помогаю отелиться корове, лежащей в траве. А стоящий надо мной фермер говорит слова поддержки. Картина детской мечты сбывается.

Десять лет спустя, в возрасте двадцати восьми лет, я стал ветеринаром. Хотя вместо Land Rover Defender у меня Isuzu Trooper, а вместо двух собак одна – Макс. Мне предложили работу в сельской местности Северного Девона сразу по окончании ветеринарной школы. Но если промотать пленку еще на семь лет вперед, то можно похвастаться и другими успехами. Мне удалось поработать на четырех континентах и иметь дело с более чем сотней различных видов животных, начиная от обычных собаки, кошки, коровы, лошади, свиньи, овцы и заканчивая такими экзотическими животными, как снежный барс, слон, носорог и большая панда (и это лишь немногие из моих пациентов). А теперь я консультирую на съемочных площадках, в том числе по поводу вымерших динозавров. Да, мой путь в профессии оказался неожиданным и незапланированным. Но это жизнь: что-то происходит, возникают новые возможности, и делается выбор.

И мудрый старый Билл был прав: действительно существует миллион разных способов прожить эту жизнь, и не только в качестве одного из 7,2 миллиарда людей на планете, но и в качестве 20 000 ветеринарных хирургов в Соединенном Королевстве. Теперь, имея десятилетний стаж работы, могу сказать, что давно лишился розовых очков. Пройдя строгий процесс отбора при конкурсном поступлении на углубленный и длительный курс обучения, я в конечном итоге получил разрешение практиковать, поселившись вдали от ближайшего круга поддержки. Первые мои рабочие дни были долгими, одинокими, изнурительными и напряженными. Работа выматывала меня как физически, так и эмоционально. И хотя я всегда с гордостью воспринимаю принадлежность к привилегированному сообществу MRCVS (член Королевского общества ветеринарной хирургии), на меня отрезвляюще действует осознание того, что выбранная мной профессия, наряду с некоторыми другими, постоянно лидирует в списке профессий с самым высоким уровнем самоубийств. И ветеринары, вопреки сложившемуся общественному мнению, как правило, получают меньше минимальной оплаты труда, если считать по отработанным часам.

В результате работы я получил много травм, о чем говорят многочисленные шрамы на моем теле. Меня кусали, пинали, царапали, кололи, резали, зашивали,

топтали, давили и атаковали. В какой только телесной жидкости я не был вымазан! Кровь, гной, моча, понос, околоплодные воды, содержимое желудка животных и выделения анальной железы – всем этим обдавало меня с ног до головы. Однажды я случайно прыгнул в силосную яму, два раза заезжал в канаву, падал в пруд и даже был госпитализирован с плевральным выпотом[3 - Плевральный выпот – скопление жидкости в плевральной полости, вызванное различными причинами.] объемом в два литра после того, как подхватил бычий туберкулез. На лечение ушел целый год.

Но если бы мне пришлось повторить свою жизнь, изменил бы я что-нибудь? Вернулся бы в прошлое, чтобы сказать себе, шестилетнему, что игра не стоит свеч, и что лучше направить свои амбиции на что-то другое? Выглядывая из окна в то ноябрьское утро и вспоминая, что сделал за десять долгих лет, вспоминая людей, коллег и клиентов, животных, которыми занимался и лечил, приобретенный опыт и места, которые посетил, я знал без малейшего сомнения, что ответ будет однозначным: «Нет».

На самом деле, сейчас только мне пришло в голову, что я всего лишь в начале пути.

Броненосец

Броненосцы могут быть ласковыми домашними питомцами, если вы в этом сильно нуждаетесь.

Уилл Каппи

Животное царство обширно и невероятно многообразно. Невозможно смотреть документальные фильмы о природе, не испытывая трепета и изумления от

такого разнообразия видов животных, с которыми нам повезло делить планету.

Бытует распространенное убеждение, что если я ветеринарный хирург, то должен непременно знать все болезни и уметь лечить любое животное, которое окажется на смотровом столе в моем кабинете или в боксе. А потому зачастую люди испытывают шок и разочарование, когда слышат признание в том, что я не могу сразу определить, скажем, причины общего недомогания гребенчатого тритона (*Triturus cristatus*). Подобное предположение, безусловно, ценно, и чтобы подтвердить его, я пытаюсь сделать все возможное. Но, как ни печально признать это, существует несколько видов животных, которые не соответствуют стандартам: гривистый волк, большая панда, снежный барс и рыба-собака... И это лишь малая часть. Все знания о животных планеты невозможно уложить в пятилетний курс обучения.

Так какова же программа обучения ветеринаров? Итак, в специальной школе мы подробнейшим образом изучаем шесть главных видов, и все они млекопитающие: лошадь, корова, свинья, овца, собака и кошка. Несколько недель учебы выделяется на «мелкую живность» (кроликов, хомяков, морских свинок и прочих), пара дней посвящается рептилиям и птицам и где-то час – земноводным и рыбам. Это может показаться несправедливым, особенно если вы любитель одного из многочисленных видов, недостаточно полно представленных в учебной программе. Но давайте задумаемся на минутку и проведем некоторые математические расчеты. По информации экологов, на планете обитает 8,7 миллиона различных видов, а значит, в стандартном учебном курсе нам было бы отведено ровно 18 секунд на каждый вид, чтобы узнать его анатомию, физиологию, поведение, терапевтическую фармакологию, медицину, хирургию, стоматологию, эндокринологию, онкологию и размножение. Студенту пришлось бы заниматься двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю на протяжении пяти лет, не имея времени на подготовку к самой масштабной части работы, – к трем фундаментальным основам человеческих взаимоотношений: умению заботиться, сострадать и помогать. Я надеюсь, причины понятны, к сожалению, приходится что-то упускать.

Для кого-то получение степени MRCVS (Member of the Royal College of Veterinary Surgeons – член Королевского колледжа ветеринарных врачей) – всего лишь первый шаг в бесконечном процессе изучения более экзотических животных. А для всех остальных такие специалисты становятся настоящими гуру. Те, кто занимается общеврачебной практикой, приобретают определенные навыки, позволяющие уменьшить этот дефицит знаний. Во-первых, существует принцип

сравнения животных. Так, к примеру, в большинстве случаев вы можете лечить кролика, как если бы он был миниатюрной лошадкой: у обоих есть толстый кишечник и основная часть процесса пищеварения происходит у них в слепой кишке. А еще у них имеются гипсодонтные зубы (не имеющие корней и с высоким коронками, растущими в течение всей жизни). Альпаки и ламы – это жвачные животные, такие же, как крупный рогатый скот и овцы. А хорьки обладают многими свойствами собак. Существует также идея нестандартного подхода.

При лечении у собаки диареи возникает целый ряд вопросов, в частности: кто ненамеренно изменил интерьер гостиной ее хозяина? что вызвало такую реакцию? какие системы организма оказались вовлечены? каковы непосредственные и долгосрочные потребности животного? обезвожен ли его организм, требуется ли инфузионная терапия[4 - Инфузионная терапия – метод лечения, основанный на введении в кровоток различных растворов определенного объема и концентрации с целью коррекции патологических потерь организма или их предотвращения.]? есть ли у него бактериальная инфекция, предполагающая обязательное лечение антибиотиками? а может быть, у него паразиты, и прежде всего нужно вылечить его от глистов? или он просто переел во время воскресного семейного обеда?

Если я могу решить проблему с собакой, то почему нельзя разобраться с сурикатом[5 - Сурикат – вид млекопитающих из семейства Мангустовые (Herpestidae). Распространен в Южной Африке (в основном в районе пустыни Калахари: на территориях юго-западной Анголы, Намибии).], оленем или кенгуру? И, конечно, если все это мне не поможет, то у меня всегда есть под рукой «Гугл»...

Да, должен признаться, что за всю мою десятилетнюю карьеру я, быть может, обращался к «Гугл» один или два... или несколько сотен раз. Помню первый такой случай. Через пару месяцев после получения разрешения на практику мой шеф Саймон попросил меня нанести визит одному из наших клиентов, чтобы сделать укол живущим у него нескольким древесным питонам. Часть из них подхватили респираторную инфекцию, вызванную микоплазмой[6 - Микоплазма – род бактерий класса Микоплазмы (Mollicutes), не имеющих клеточной стенки. Представители вида могут быть паразитарными или сапротрофными.], и учитывая ценность такой коллекции животных, Саймон предложил полечить их всех. Меня охватила жажда деятельности. К тому же это была просьба моего начальника, и отказать ему было нельзя. Единственная проблема заключалась в

том, что мне никогда прежде не доводилось слышать о древесных питонах, не говоря уже о том, чтобы что-то о них знать. И так как я был еще новичок, мне требовалось заслужить доверие своего клиента, а еще отразить шквал вопросов за тот час, что потребуется на лечение каждой из десяти змей. Перспектива показаться полным профаном меня не привлекала. И помня о том, что лучший способ защиты – это нападение, я решил заранее узнать несколько полезных фактов. Это, возможно, вызовет у клиента достаточно доверия и уважения и превратит пугающий визит в более контролируемый и интересный опыт. И я обратился к «Гугл». Я узнал, что *Morelia viridis* обитает в тропических лесах Новой Гвинеи, Индонезийских островов и на полуострове Кейп-Йорк в Австралии, то есть древесный питон живет в жарком и влажном климате.

Как предполагает его название, древесный питон живет преимущественно на деревьях и питается мелкими грызунами и рептилиями. Чтобы содержать этих животных в неволе, требуется определенная доля профессиональных знаний. Но если обеспечить им правильные условия, они будут прекрасно себя чувствовать. Вооружившись этими знаниями и почувствовав себя увереннее, я отправился на прием.

Хозяин встретил меня недоверчиво, явно оценивая мои способности как ветеринарного хирурга. По выражению его лица было понятно, что он сомневается в том, что я могу лечить пресмыкающихся. Пытаясь скрыть свою тревогу, я с улыбкой представился. Было ясно, что придется потрудиться, чтобы завоевать его доверие, ведь такая богатая частная коллекция змей могла стоить несколько тысяч фунтов, а значит, это было серьезное хобби. Он провел меня через дом в сад к построенному специально для рептилий дому. Зрелище впечатляло, жара и влажность мгновенно окутали меня. Возникло ощущение, что я попал прямо в джунгли Амазонки. Там стояло с полдюжины вивариев в форме буквы U у трех стен. Все было закрыто массой зеленой древесной листвы, маскирующей обитателей. Рядом с каждым стеклянным резервуаром был установлен цифровой монитор, демонстрирующий температуру и влажность. Прежде мне лишь однажды доводилось наблюдать такой профессиональный подход в одном из общественных террариумов. Стало очевидным, что этот парень и вправду знает, что делает. Я почувствовал себя немного неловко, но попытался успокоиться. В конце концов, все, что требовалось от меня, это лишь сделать им уколы. Мне приходилось и раньше заниматься подобным. Но этот человек мог многому научить меня, а потому пришлось трезво оценить ситуацию. Он должен был проникнуться доверием к моим профессиональным способностям и достаточно расслабиться, чтобы начать рассказывать о своем увлечении. Но еще и страх за своих питомцев не позволял ему это сделать. Я

решил воспользоваться небольшой возможностью произвести на него впечатление.

– Действительно, чувствуется резкая влажность, когда заходишь внутрь, – начал я, – такое ощущение, что мы и вправду где-то в Новой Гвинее или в тропических лесах Индонезии.

Это было не лучшей моей остротой, но являлось всего лишь началом, и мне нужно было как-то продолжить свою речь:

– Бывает очень сложно держать в неволе этих змей, воссоздавая их естественную древесную среду обитания. Но должен сказать, что это самое впечатляющее обустройство жилья для животных, которое мне встречалось.

Комплимент сработал, я почувствовал, что хозяин начал расслабляться. Пожалуй, стоит придумать что-то еще. Приблизившись к одному из вивариев, я взгляделся внутрь. Маскировка была потрясающей, и мне понадобилось какое-то время, чтобы заметить его обитателя. На одной из веток возлежала, скрутившись в три петли и положив голову по центру, потрясающая ярко-зеленая змея с белыми крапинками по всему телу. Я видел ее на фотографиях в «Гугл», но в реальности она оказалась поистине невероятной.

– Обожаю эту их уникальную манеру укладываться на ветке дерева... Они и вправду очень красивые, – продолжил я.

Этого последнего комплимента оказалось достаточно, чтобы расположить хозяина, и его настороженность исчезла. словно бы я знал некий тайный пароль для вступления в закрытый клуб. И вот двери его распахнулись! Когда мы перешли к решению конкретной задачи, он начал рассказывать мне о каждой змее отдельно, а я делал им уколы. Работа прошла быстро, но за это время я узнал еще много нового о пресмыкающихся. Видя столь благодарного слушателя, хозяин предложил мне чашку чая. Испытывая восхищение от новых знаний и облегчение от того, что визит прошел так хорошо, я с радостью принял предложение. Наконец, час спустя я вышел от него, и теплота в момент прощания была сравнима с сердечностью давних друзей. Идя по дороге к машине, я позволил себе удовлетворенно улыбнуться. С того дня, если он звонил в наш офис, то всегда просил «герпетолога».

В том случае «Гугл» выручил меня, потому что нашлось полчаса свободного времени в обеденный перерыв, чтобы покопаться в материале и подготовиться. В следующий раз, когда пришлось оказывать помощь, я уже был лишен подобной роскоши.

Мне часто задавали вопрос, какое самое странное животное оказывалось в моем врачебном кабинете. У меня несколько таких кандидатов – кубинская квакша, карликовая сумчатая летяга и скунс.

Эти животные, пожалуй, войдут в топ-10 моего списка. Но была еще одна консультация, которая навечно останется в моей памяти. И связана она с броненосцем.

Была обычная мартовская пятница. Мой день начался в 6 утра в центре плато Эксмур, когда я изучал туберкулиновую пробу для стада крупного рогатого скота из шестидесяти голов. Утро было холодным, и мы работали в маленьком ветхом скотном дворе, расположенном в нескольких милях от другого ближайшего жилья. Единственное сравнительное подкожное цервикальное исследование на туберкулез (SICCT) – это стандартная прививка от туберкулеза у крупного рогатого скота. Процедура насчитывает сотню лет и предполагает подкожную инъекцию в области шеи животного птичьего и бычьего туберкулина. Затем спустя 72 часа нужно вернуться, чтобы проверить место инъекции: если место введения бычьего туберкулина распухло больше птичьего, то можно сказать с высокой долей вероятности, что животное заразилось. Это был мой повторный визит, и я знал, что вторая часть исследования не будет столь простой. Она никогда и не была такой в случае с крупным рогатым скотом на плато Эксмур. Я имел дело с разнородным стадом из годовалых животных, которых купили на рынке еще телятами. Прошло время, а они еще не привыкли к общению с человеком. Все они были гибридами: преимущественно от голштино-фризской матери, скрещенной с быком мясной породы, такой как шароле, абердин-ангусская, бельгийская голубая, симментальская или лимузинская. И именно скрещенные с лимузинами всегда вызывали проблемы. Животные были дикими, легко подвергались панике, один из них мог легко поднять с места всю группу. Я провел немало времени, гоняясь по полям, болотам и пустошам за пустившимся бежать стадом. А потому знаю, что именно они всегда во главе

этого действия. И хотя визит во вторник прошел достаточно гладко, и мои пациенты были уже подготовленными, все же остерегались бокса-фиксатора и нас.

Когда мы выводили их из сарая в сад, молодой бычок-кастрат, идущий впереди, успел сказать мне все, что думал. Голова поднята, в глазах боевой настрой. Дикий и возбужденный, он всхрапывал, двигаясь быстрой рысцой. В этот момент я понял, что работа, которую можно было проделать за каких-то полчаса, займет полдня, и мне потребуются ленд-роверы и квадроциклы, чтобы гоняться за стадом по заболоченной местности.

И, конечно же, бык-кастрат сразу пошел в атаку, прыгая и кружась по саду и высматривая любую прореху в заборе, стене или изгороди. Несколько мгновений спустя он нашел ее и направился к калитке высотой в четыре фута, отделявшей сад от поля и вересковой пустоши. Предприняв неудачную попытку перепрыгнуть через калитку, он повис на ней нижней частью туловища, изогнувшись, но его разгона было достаточно для того, чтобы зацепить шпагат, которым она была примотана к трухлявому шесту. Он проволоч за собой калитку на десять метров в поле, пока, наконец, не отцепился от нее, ринувшись на свободу. Теперь, когда ему уже ничего не мешало, а поле и свобода были так близко, все остальное стадо, не теряя времени, последовало за своим товарищем. А мы вчетвером остались стоять в саду, наблюдая, как они взметают копытами землю и исчезают вдаль.

Я покинул ферму через три часа. Работа была выполнена, но теперь я опаздывал на свои очередные приемы.

Последующие визиты в тот день прошли не так активно: пневмония у теленка, кастрация нескольких бычков, нарыв на ноге у лошади и кесарево сечение у овцы. Еще со студенческой поры я любил время окота овец, мне нравилось брать на руки двух только что появившихся на свет маленьких ягнят, а потом наблюдать за тем, как они растут и сосут свою маму, крутя хвостами, как сумасшедшие. Это было настоящим счастьем. К сожалению, люди редко обращались к нам за помощью по финансовым соображениям. Но это была хорошая овцематка, и фермер был заинтересован в ней. Итак, я принял роды, сделав кесарево сечение, а два появившихся на свет здоровых ягненка служили лучшим доказательством правильности этого решения.

После завершения визитов к крупным животным я вернулся в хирургический кабинет, чтобы в 16 часов начать прием мелких пациентов. Я работал без перерыва, и только в машине успел закинуть один бутерброд, а с псом Максом пробежался по проселочной дороге всего пару минут. Когда я терпеливо уговаривал его забраться обратно в машину, он недовольно смотрел на меня, пришлось пообещать ему после работы прогулку по берегу реки.

Вернувшись в офис, я заметил, что на часах уже 15.45: времени осталось только на то, чтобы быстро привести себя в порядок, схватить чашку чая и белый халат и отправиться в приемный кабинет. Я пробежал глазами по перечню пациентов, чтобы заранее настроиться и понять, есть ли там случаи, требующие особого внимания. Мой прием был полностью расписан с 16.00 до 18.30. Каждая консультация занимала десять минут, так что всего их получалось пятнадцать. На первый взгляд список выглядел вполне типично: полдюжины вакцинаций, хромя собака, пара случаев рвоты / диареи, кошка с раздражением на коже... Я всмотрелся в список внимательнее, стараясь найти там знакомых клиентов или животных. Мое внимание привлекла запись на 17.10. Согласно данным компьютера клиента звали м-р Смит, а пациента – Броненосец.

Мне доводилось в свое время сталкиваться со странными кличками у питомцев. На последнем году обучения в ветеринарной школе мы даже играли по очереди в особую игру, пытаясь определить породу животного по той кличке, которую дал ему хозяин. Чарли, к примеру, был бы черным лабрадором и мог попасть в ортопедию. Роки мог быть боксером, отправляющимся на прием к кардиологу. А Крошка – это, очевидно, такса, направленная к неврологу. Броненосец был для меня чем-то новым. Я ввел карточку клиента, чтобы увидеть информацию.

«Кто это – кошка или собака?» – подумал я.

Просматривая данные, мне показалось, что это неизвестный клиент с новым животным. Все сводилось к тому, что мистер Смит приведет Броненосца для чипирования.

Первая половина приема прошла гладко. Когда я прощался с посетителем, назначенным на 17.00, не мог не заметить человека, который сидел, стиснув голубую кошачью переноску. Он занял угловое кресло, так что мой взгляд падал прямо на него. Ему, вероятно, было за пятьдесят, с проседью в волосах и чуть неопрятной клочковатой бородой. Мужчина сидел, сгорбившись над переноской и держа ее максимально осторожно. Я видел много разных людей, и все они по-

разному вели себя в ожидании приема: кто-то был расслаблен, кто-то нервничал, шел неохотно, пытался защитить своего питомца. Но в пожилом джентльмене было что-то совсем иное, определить это было сложно.

На экране компьютера загорелась надпись «Броненосец Смит», сигнализирующая об их приходе. И, конечно же, мистер Смит оказался тем джентльменом в углу. Когда он поднялся со своим драгоценным грузом, я удивился его видимой тяжести. Логично было бы предположить, что в кошачьей переноске находится кошка, точнее, котенок для чипирования, следовательно, его вес не мог превышать одного килограмма. Однако то, с каким трудом мужчина удерживал переноску, наводило на мысль, что реальный вес раз в десять больше. Может быть, он взял кота из приюта? Но такое объяснение не подходило, потому что в данном случае животное бы уже имело чип. Я мысленно нарисовал себе возможный сценарий: чрезмерно разжиревший кот, которого вынуждены милосердным способом лишить жизни, так как его единственный друг – старый хозяин – недавно умер. Возможно, это его сын, который теперь занимается котом, и это его первая задача. Неудивительно, что он так дрожал над ним: это последнее, что связывало его с ушедшим родителем. Если мое предположение верно, то тогда все могло быть гораздо сложнее, чем просто поставить микрочип. Я перебрал в памяти все возможные болезни, которые могли появиться у животного по невнимательности: блохи, глисты, проблемы с кожей, зубами, диабет, артрит.

Я закрыл дверь за мистером Смитом и представился. Он аккуратно поставил переноску на смотровой стол, а затем пожал мне руку.

– Приятно познакомиться, – широко улыбнувшись, сказал он.

Пока он открывал крышку переноски, я повернулся к своему компьютеру.

– Могу поспорить, что вам не часто доводилось видеть подобное! – сказал он.

Смысл его слов не сразу дошел до меня. Поставить микрочип кошке – это простая работа, какими бы ни были сопутствующие заболевания. Я задумался.

Если закончу этот прием быстро, то, возможно, еще останется время, чтобы выпить чашечку чая до прихода следующего клиента. Отвернувшись, наконец, от компьютера, я приготовился заняться своим новым пациентом.

Но это не был разжиревший кот. Существо, сидевшее передо мной, имело мордочку грызуна, большие заостренные уши, бочкообразное тело и длинный сегментированный хвост. Его туловище покрывало нечто, похожее на доспехи средневекового рыцаря, а голова, казалось, была защищена идеально подогнанным по размеру шлемом. Вероятно, на моем лице отразились и шок, и удивление, судя по насмешливой улыбке мистера Смита, но я попытался взять себя в руки и сохранять профессиональное хладнокровие.

– Вы правы, мне точно не доводилось встречать здесь прежде броненосцев. Это первый, которого вижу, – ответил я небрежно.

– Это девятипоясной броненосец, – сообщил он. – Место происхождения этих животных – оба американских континента. Но я уверен, что такому умному парню, как вы, это известно.

Данная фраза меня окончательно добила. И мне пришлось признаться себе в том, что я действительно не знаю даже самых элементарных вещей о броненосцах. Не имея под рукой никакой полезной информации, у меня не было НИ малейшей возможности поддержать умную беседу о существе, находящемся прямо передо мной. Хуже того, разглядев его, до меня дошло, что тело этого млекопитающего полностью покрыто роговой броней толщиной примерно в сантиметр. И где же отыскать такую длинную иголку, с помощью которой можно вставить ему чип? Я ломал голову, думая, как бы поскорее разрешить эту ситуацию.

– А как удалось заполучить броненосца в качестве домашнего питомца жителю Северного Девона? – спросил я, пытаюсь выиграть время.

– Никогда вы не найдете в наших северных лесах длиннохвостых ягуаров, броненосных черепах, – процитировал он, и заметив мое смущение, продолжил: – Но в солнечной Бразилии, Бразилии моей, такое изобилие невиданных зверей! [7 - Редьярд Киплинг. «Просто сказки» (перевод С. Маршака).]

Выражение моего лица явно не изменилось, потому что он отвлекся от своих грез, обратившись ко мне более конкретно:

– Чему вас учили, мой дорогой мальчик? Неужели вы никогда не читали сборник сказок Редьярда Киплинга «Просто сказки»?

– Боже! Конечно! – ответил я, – но это было давно.

– А разве вы не помните историю о броненосцах? В детстве это была моя любимая сказка, и с тех самых пор мне всегда хотелось завести себе в качестве домашнего питомца броненосца. Понадобилось всего лишь сорок пять лет!

– Вижу, – кивнул я понимающе, но на самом деле был совершенно сбит с толку.

Однако мне удалось быстро вернуться к реальности, когда он начал рассказывать о том, как приобрел своего питомца.

– А вам не нужна лицензия на опасное дикое животное для... него? – спросил я, понимая, что даже не представляю, кто это – самец или самка.

– Нет, – ответил он. – Лицензия требуется лишь в том случае, если у вас гигантский броненосец, *Priodontes maximus*. Поясные, светлые и кричащие броненосцы, к счастью, от этого освобождены.

Никогда мне не доводилось слышать о светлых или кричащих броненосцах. Я уже так много всего узнал за это время, но сейчас с досадой осознавал, что понятия не имею о том, как чипировать это существо. Ясно, что мне нужно взять инициативу в свои руки, пока он сам не заговорит об этом.

– Итак... мы будем чипировать животное сегодня, правильно я понимаю?

– Да, будьте любезны, – ответил он. – И на самом деле это «он», и его зовут Арни.

– О, ну конечно, – согласился я, ответив ему такой же кривой ухмылкой. – Я только выскочу ненадолго, чтобы взять все необходимое, буквально на секунду.

И прежде чем он успел бы начать расспрашивать меня о дальнейшей процедуре, я покинул смотровую. Все необходимое для чипирования собаки или кошки оборудование находилось фактически позади кабинета, в нашей аптеке. Но не это было главной причиной моего поспешного ухода.

Я направился напрямик через аптеку в ассистентскую комнату и сразу кинулся к компьютеру. Щелкнул на браузер, открыл поисковое окно «Гугл» и набрал в нем: «Как чипировать броненосца?» Первые результаты оказались совершенно неподходящими: что-то о встроенном дисплейном модуле Броненосец-43/Г (об этом наверняка знал мой брат, но мне модуль был не нужен). Пришлось выбрать другой путь, написав «чипирование экзотических животных», но и эта попытка оказалась безуспешной. Я чувствовал, что мне следует поторопиться, иначе мое отсутствие будет выглядеть подозрительным. «Думай, мальчик, думай!»

Сделал еще одну попытку: «места чипирования у животных». Википедия выдала: «Вживленный имплант (у животных)». Но здесь речь шла о собаках, кошках, лошадях и птицах. Я промотал страницу вниз – «Руководство по определению микрочипов Всемирной ветеринарной ассоциации мелких животных (WSAVA)». Это выглядело обнадеживающе. Щелкнув на ссылку и промотав статью вперед, нашел раздел под названием «Места для вживления микрочипа у мелких животных (компаньонов)». Неожиданно пришла мысль, что мистеру Смиту наверняка понравится воспринимать Арни как «компаньона». Хотя вряд ли WSAVA относила броненосцев к этой категории. Я стал лихорадочно читать дальше. «Рекомендуемые места для вживления чипов у других видов». Вот теперь, похоже, нашлась зацепка. Неудивительно, что там не оказалось упоминания о броненосце. Однако указанным местом вживления чипа для «других млекопитающих» была область между лопатками, в том случае, если у взрослой особи расстояние от позвоночника до плеча было меньше 17 сантиметров. Арни как раз подходил под эту категорию, но это означало, что вживлять имплант предстояло сквозь его броню!

Продолжаю читать: сельскохозяйственные животные, слоны, даманы, лори, альпаки, земноводные, пернатые, эму, пингвины, хищные птицы, рыбы, зеленые морские черепахи, крокодилы, змеи, ящерицы... и на этом список заканчивался. Пришло время нестандартного подхода. Из всех животных в списке ближе всего была, пожалуй, зеленая морская черепаха с твердым панцирем, покрывающим большую часть ее тела.

Промотав обратно к разделу с черепахами, прочитал: «В суставную сумку левой тазовой конечности подкожно мелким животным и внутримышечно крупным животным... после чего место имплантации запечатывается тканевым клеем». Эврика! Я закрыл окошечко на компьютере, схватил тканевый клей из шкафчика и теперь, полный уверенности, уже неторопливо прошел через аптеку, захватив по пути микрочип и сканер, и вернулся в кабинет.

– Отлично! Думаю, у меня есть все, что нужно. Это довольно простая процедура, – сказал я с уверенным видом профессионала, который знает, что делает. – Микрочип устанавливается в мышцу левого бедра. Надо, чтобы вы подержали Арни на столе, мне нужно протереть ему лапу и вставить чип. После этого я заклею ему кожу, чтобы микрочип не вывалился наружу. У броненосцев кожа не эластичная, – добавил я, – и если не заклеить место укола, то после иголки там останется отверстие.

– О да, это и вправду звучит довольно просто, – ответил он с некоторым облегчением в голосе. – Я не знал, понадобится ли ему в этом случае анестезия или что-то подобное.

Он извлек Арни из переноски и положил его на стол.

Поначалу Арни довольно легко шел на контакт. Но после того как двенадцатисантиметровая игла вошла ему в верхнее бедро, это явно не показалось ему приятной прогулкой. А потому, когда я попытался извлечь его конечность из-под брони, то обнаружил, как невероятно сильны его лапы, хотя мистер Смит помогал удерживать его. Мне понадобились силы и обе руки, чтобы вытянуть лапу Арни в удобное для установки микрочипа положение. Но при этом, конечно же, у меня не осталось свободных рук для того, чтобы подготовиться, ввести чип или заклеить рану. Третья пара рук здесь бы явно не помешала.

– Сильный парнишка! – прокомментировал я как можно более непринужденно. – Думаю, мне понадобится дополнительная помощь.

Выйдя из кабинета в поисках медсестры, я встретил Луизу, старшую медсестру, которая занималась одним из наших стационарных пациентов.

– Мне нужен ассистент в ручной установке микрочипа на... животном, можешь? – я намеренно не стал называть конкретный вид, о котором говорил. Хотелось внести элемент неожиданности: выражение ее лица в этот момент будет просто бесценным.

– Конечно, – ответила она. – Буду через минуту, как только закончу с Поппи.

– Спасибо, я в дальней смотровой.

Всего пару минут спустя Луиза постучалась в дверь и вошла. Ее реакция была даже лучше, чем можно было себе представить. Когда она увидела Арни, то мгновенно всем телом в страхе отпрянула назад. На лице были одновременно шок и неверие. Думаю, Луиза собиралась выкрикнуть какое-то ругательство, но благодаря своему профессионализму ей удалось выдать более мягкую фразу:

– О боже, я совсем не это ожидала.

– Луиза, – сказал я, давая ей время вернуть все свое самообладание. – Это мистер Смит, а это Арни, девятипопоясный броненосец. Микрочип встанет в его левое бедро, и нужно, чтобы ты помогла мне вытянуть лапу из-под брони. Он довольно сильный, попробуйте держать его за лапу, пока мистер Смит будет удерживать остальное тело. А я тогда смогу подготовиться и ввести микрочип, договорились?

Подойдя к столу, она нерешительно протянула руку, пробуя коснуться спины Арни. Когда ее тактильное восприятие перестроилось с шерсти на броню, успокоилась, привыкла к необычной текстуре кожаного панциря и отсутствию обычной реакции при контакте человека с животным. Она расслабилась, и ее профессионализм возобладал.

Вся процедура прошла быстро и эффективно. Убедившись, что рана заклеена, я отсканировал левое бедро, проверив надежность чипа, мистер Смит вернул Арни в переноску, сердечно поблагодарил нас обоих и вышел.

Когда дверь за ним закрылась, Луиза молча глянула на меня.

– За десять лет, что я работаю здесь, это точно самое диковинное животное, которое мне доводилось видеть, – сказала она. – Спасибо, что предупредил!

– Я тоже был немного удивлен, – признался я. – К тому же думал, что у него кошка.

– Но у меня вопрос. В Северном Девоне не наблюдается переизбытка броненосцев. Так что если он потеряется, наверно, его будет не так уж сложно

найти, разве не так? Так к чему устраивать все эти сложности с чипированием?

И хотя я знал истинные причины, но вынужден был признать, что Луиза говорит дело.

– В любом случае, – продолжила она, – откуда ты узнал, что микрочип нужно вставлять в заднюю левую конечность?

– Ты называешь себя ветеринарной медсестрой и не знаешь этого? – ответил я с ухмылкой, радуясь, что успел скрыть все свои улики в Интернете, закрыв окошечко поиска в «Гугл». – А я думал, что это всем известно.

БРОНЕНОСЦЫ: КОРОТКИЕ ФАКТЫ

Dasypus novemcinctus: девятипоясный броненосец.

Ареал: Северная, Центральная и Южная Америка.

Описание: млекопитающее, ведущее ночной образ жизни. Двадцать видов.

Продолжительность жизни: до 20 лет.

Среда обитания: броненосцы живут в норах. В идеале предпочитают теплый и дождливый климат тропических лесов, но также адаптируются к жизни в кустарниковых зарослях и лугах. У них очень маленький запас жира, поэтому им тяжело выживать в холодном и засушливом климате, в котором они легко теряют тепло и влагу.

Питание: броненосцы – насекомоядные животные, питаются преимущественно муравьями, термитами и червями, которых они слизывают своим липким языком.

Период беременности: 122 дня, но имплантация зародыша происходит спустя 3–4 месяца после спаривания.

Вес: 85 г при рождении, во взрослом возрасте достигает 2,5–6,5 кг.

Развитие: в 3 месяца малышей отлучают от матери, половая зрелость наступает в 1 год, размножаются ежегодно.

Анатомия: спина, бока, голова, хвост и внешние поверхности лап покрыты бронированным панцирем, состоящим из костных пластинок, поверх которых расположены идущие не внахлест ороговевшие чешуйки, соединенные между собой гибкими полосками кожи.

Температура тела: 30–35 °С.

Интересный факт: если броненосца сильно напугать, он может прыгнуть в воздух на полтора метра. Броненосцы также способны преодолевать реки, пlying по воде за счет способности раздувать живот, или же ныряя на дно и делая короткие пробежки, так как могут задерживать дыхание до 6 минут.

Хищники: много, включая аллигаторов, хищных птиц и медведей, но пума – самый распространенный хищник.

Охрана: девятипоясный броненосец классифицируется Международным союзом охраны природы (IUCN) как вид, не требующий защиты. Однако его старший брат, гигантский броненосец, обитающий среди лугов, лесов и болотистой местности Южной Америки, считается незащищенным видом и подлежит охране. О важной роли этого прежде таинственного вида в качестве создателя экосистемы и защитника биоразнообразия благодаря его постоянной работе по строительству нор читайте материал на сайте: www.rzss.org.uk/conservation/our-projects/project-search/field-work/giant-armadillo-conservation-project (<http://www.rzss.org.uk/conservation/our-projects/project-search/field-work/giant-armadillo-conservation-project>).

Жираф

Живая природа это то, что человек не в силах создать. И если она исчезла, то исчезла навсегда. Человек может воссоздать пирамиду, но он не способен воссоздать экологию или жирафа.

Джой Адамсон

Я вышел из своего домика в темноту бодрящего африканского утра. Было 5.30, суббота, 9 августа. Солнце взойдет только через час. Чувствовалось, как пробирает холодок, забирая остатки уютного тепла удобной самодельной кровати.

Восемь дней назад в это время я бы только проснулся, чтобы затем отправиться на работу в ветеринарную клинику в городе Челтнем, в районе Котсуолд. Но на август моим домом была резервация Нгонигони в предместье Нельспрута южноафриканской провинции Мпумаланга, так как я ассистировал доктору Кобусу Раату и его команде из Wildlife Vets. Работа заключалась в вылове, перемещении, лечении и научном исследовании обитателей африканской дикой природы.

В отличие от большинства африканских стран Южная Африка поставила на поток индустрию охотничьих ферм. Дикие животные – это не только собственность государства, представленная в национальных парках. Ею также могут распоряжаться владельцы частных охотничьих заказников. В данной индустрии ценится умение безопасно поймать, загрузить, перевезти и выпустить этих животных. Каждый шаг требует наблюдения ветеринара, а потому жизнь команды Кобуса никогда не бывает спокойной.

Я спускался вниз, идя на завтрак. Было еще слишком рано, чтобы наслаждаться ежедневным представлением, что устраивают живущие на ферме жирафы, зебры, гну, бубалы и импалы. Все они щипали траву на пастбище, всего в ста метрах от того места, где мы обедали. Ранний подъем был обязателен по причине назначенной на 8 утра встрече в охотничьем заказнике в двух часах

езды к северу от нас в Хёдспруте, городе, расположенном на западной границе национального парка Крюгера. За завтраком царил суэта: нам предстояло поймать и перевезти трех взрослых самцов. Процесс ловли жирафов сопряжен с таким повышенным риском, что во всей Южной Африке есть лишь несколько компаний, сотрудники которых обладают необходимыми для этого опытом, знаниями и умениями. Гипертензивный эффект от приема лекарств, применяемых для обездвиживания животного, может вызвать угрозу для его жизни. Тем более что уникальные анатомические особенности жирафов изначально требуют гораздо более высокого кровяного давления в сравнении с другими млекопитающими. Проблема угнетенного дыхания в связи с приемом лекарств усугубляется наличием большого объема мертвого дыхательного пространства, обусловленного невероятно длинной трахеей жирафа. Помимо этого, рост создает риск серьезной травмы, если не уследить за его падением.

Пока я попивал кофе, из гаража в дальнем конце фермы с грохотом выезжала колонна техники: тяжелый грузовик, фургон с трейлером для жирафа на прицепе и пикап. Это было приглашение. Мы загрузились в микроавтобус и присоединились к процессии. Логистика каждого нашего выезда поражает: сегодняшним требованием было наличие разрешений, пяти транспортных средств, одного вертолета и команды из пятнадцати крепких мужчин.

Когда малиновое зарево испепеляющего африканского солнца окрасило горизонт, мы наблюдали сцены будничной жизни: стоящие вдоль дороги продавцы апельсинов и авокадо, идущие на работу мужчины в поношенных голубых комбинезонах, горящие поля сахарного тростника на первом этапе уборки. Дальше тянулись маленькие населенные пункты – пыльные грязные дороги, по обеим сторонам которых возникало причудливое сочетание покрытых жестяными листами хижин и множества маленьких квадратных бетонных зданий с табличками парикмахерского салона, похоронного бюро, продуктового магазина или бара. Все они перемежались рекламой Coca-Cola, что было единственной связью с западным миром, который я оставил позади.

Два часа спустя подъехали к назначенному месту встречи, маленькой заправочной станции всего в нескольких милях от заказника, к которому мы направлялись. У нас еще было время попить кофе, пока ждали грузовик с фургоном. Именно в этот момент раздался звонок: пилот вертолета вынужден был отклониться от курса, чтобы оказать помощь белому носорогу. Это означало, что он задержится на несколько часов. В жестоком бездушном мире на носорогов, как на ценный ресурс, охотятся браконьеры вне зависимости от

национальной принадлежности. И так, в отсутствие вертолета все, что нам оставалось делать, это сидеть и ждать. «Поторапливайся и жди» – популярная мантра среди профессионалов дикой природы. И это был как раз тот самый случай.

Получив кофе и надежду на скорый завтрак, мы слегка приободрились и завели разговор. Каковы «за» и «против» легализации торговли рогами носорогов? Можно ли в качестве исключения отказаться от вегетарианства в день рождения или во время путешествия? Какие дикие африканские животные играли бы в регби и на каких позициях? Это всего лишь некоторые из тем, которые мы обсуждали, наблюдая за подъезжающими и отъезжающими машинами на заправочной площадке. В основном это были пикапы и фургоны с пожилыми немецкими туристами в обязательных шортах цвета хаки и с набитой поясной сумкой. Они приезжали на взятом в аренду фургоне для сафари, нагруженном таким количеством снаряжения, которого бы хватило для оснащения маленькой армии.

К 12.30 стол был завален остатками разнородной грубой еды, включая нарезанное узкими полосками вяленое мясо антилопы, орешки кешью, сдобренные острым соусом пери-пери, и картофельные чипсы со вкусом маринованных огурцов. Бьорн, специалист по ловле жирафов, и ветеринар Дерик докуривали двенадцатую сигарету, Бьорн допивал восьмую чашку кофе.

Посреди всего этого хаоса у Бьорна вдруг зазвонил телефон, и порядок был тотчас же восстановлен. Еще не закончив говорить, он направился к своему фургону, жестом показав нам следовать к микроавтобусу. Вертолет прибывает через десять минут – охота на жирафа началась!

Чтобы добраться до короткой, в три мили[8 - 1 миля – 1,6 км.], подъездной дороги, мы съехали на пыльную и грязную проезжую полосу. Рядом с главной дорогой мы обнаружили ветхие ворота высотой в пять метров, опутанные проволокой. Их удерживали цепочка и висячий замок. Припаркованный рядом с ними пикап был единственным подтверждением того, что мы прибыли к месту назначения. Водитель пикапа – хозяин охотничьего заказника – выпрыгнул из

машины, повернул замок и открыл нам ворота. Мы последовали за ним. Вдруг наших ушей достиг отдаленный рокот пропеллеров. Посмотрев в небо, увидели растущее желтое пятно вертолета, стремительно приближавшегося к нам. Он сделал один круг прямо над верхушками деревьев и затем приземлился, поднимая нисходящим потоком столб пыли.

Ферма представляла собой 8000 гектаров кустарниковых зарослей и каменистой гористой местности. Для человека этот засушливый пейзаж выглядел враждебно, не давая почти никакого убежища от палящего африканского солнца. Каждое растение здесь было вооружено, чтобы пронзить, растерзать или излить яд. И в то же время это был дом для большинства африканских животных.

Жирафы, как правило, живут в относительной гармонии. Иногда они произвольно собираются в стада, возглавляемые одним взрослым самцом. Бывает, что молодые самцы составляют небольшие группы, в то время как другие предпочитают жить поодиночке. Обычно драки между самцами вспыхивают исключительно из-за самки. В этом заказнике самцы по численности существенно превосходили самок, и драки в последнее время стали там частым явлением. Дошло до того, что несколькими неделями ранее старый самец был найден мертвым.

Да, конечно, прекрасная идея дать природе полную свободу. Но в реальности охрана природы заключается даже в строительстве забора, чтобы держать там животных. И не важно, каков размер участка, – этими животными необходимо управлять. Итак, часть молодых самцов следовало выпустить, и сегодня нам нужно было поймать трех таких самцов-одиночек.

Увидев размер территории, на которой нам предстояло работать, стала понятна необходимость наличия вертолета. Местный контингент, за исключением Дерика, быстро занялся разгрузкой пустых канистр из-под бензина и демонтажем дверей вертолета, прежде чем приступить к теперь уже всем хорошо знакомому ритуалу. Достать пачку сигарет из левого нагрудного кармана рубашки, выбить из нее сигарету, обхватить ее сжатыми губами, поджечь и, наконец, расслабиться, как будто они работали несколько часов подряд. Дерик не обращал на них никакого внимания, пока они сидели, прислонившись к вертолету, занятые беседой. Он был сосредоточен исключительно на одном предмете – большой игле для пункции, которую он держал в левой руке. Игла крепилась к 3-миллиметровому шприцу, в который

была нацежена смесь тиофентанила, эторфина и гиалуронидазы: впереди ждала работа по усыплению жирафа, а этот шприц должен был выполнить функцию транквилизатора. Сильнодействующие опиоиды эторфин и тиофентанил – предпочтительные препараты для анестезии жирафов в полевых условиях, так как они действуют быстро, причем эффект усиливается за счет гиалуронидазы, ускоряющей процесс всасывания.

Пилот запрыгнул в вертолет, завел мотор, и компания курильщиков миглом разошлась. Дерик направился в сторону вертолета, поднявшего столб пыли, держа на правом плече ружье с транквилизатором, а в левой руке – коробку с усыпляющими дробинками. Картина напомнила сцену из фильма о войне во Вьетнаме.

Несколько мгновений спустя вертолет превратился в точку на небе, направляясь в сторону гористой местности в поисках нашего первого жирафа. Загрузившись в два фургона, мы поехали в сторону вертолета по одной из главных магистральных дорог, деливших заказник пополам.

Трейлер для жирафов тянулся позади. Даже этот этап был технически сложным: нам следовало расположиться таким образом, чтобы мы смогли среагировать и перехватить жирафа в течение двух минут после того, как в него выстрелят шприцем. Растущее напряжение ощущалось физически, общение свелось к минимуму, пока каждый из нас лихорадочно раздумывал над возникавшими в голове вопросами. Сможем ли мы поймать хоть одного жирафа? Сумеет ли подобраться к ним в тот момент, когда в них выстрелят? Переживут ли они анестезию? Вид одинокого белого носорога, щиплющего траву в двадцати метрах, ненадолго отвлек наше внимание.

Затем из портативной рации раздался хриплый голос Дерики, сообщавшего нам о подвижках. Они обнаружили одинокого самца и преследовали его, пытаясь направить в безопасное место для введения лекарства. Техника отъехала на чистый участок земли в ожидании дальнейших инструкций. Теперь уже осталось недолго. Вдалеке появился вертолет, пролетающий над горным хребтом примерно в миле от нас.

Данный этап также был крайне сложен. Нам с земли казалось, что вертолет как будто завис в воздухе, поворачивая то вправо, то влево, снижаясь до деревьев, а потом поднимаясь вверх в чистое голубое африканское небо, демонстрируя блестящие навыки пилота. Общение между ветеринаром и пилотом должно

было быть интуитивным: им следовало предугадывать каждое движение жирафа, мягко и умело заставляя его двигаться в правильном направлении, чтобы избежать любых потенциальных рисков. И при этом необходимо было контролировать скорость его движения, чтобы не перенапрячь животное и не спровоцировать опасную для жизни «миопатию»[9 - Миопатия – хронические прогрессирующие нервно-мышечные заболевания, характеризующиеся первичным поражением мышц.] во время ловли».

Стресс, перенапряжение и обезвоживание организма в сочетании с повышенным кровяным давлением, вызванным препаратами, которые применяются с целью обездвижить любое дикое животное, могут стать фатальной комбинацией. А в данном случае риск многократно увеличивался в условиях палящего африканского солнца. Миопатия при ловле неизбежно смертельна. Атрофия мышц, вызванная гипертермией[10 - Гипертермия – перегревание, накопление избыточного тепла в организме животных и человека с повышением температуры тела.], вместе с избыточным уровнем молочной кислоты приводит к усиленному выделению калия из клеток мышцы, что в острых случаях вызывает сердечную недостаточность.

Если животное выживет на первой стадии, то разрыв мышцы неизменно означает неподвижность, а неизбежный ацидоз[11 - Ацидоз – смещение кислотно-щелочного баланса организма в сторону увеличения кислотности (уменьшения pH).] приводит к разрушению мышцы и клеток почек, почечной недостаточности и смерти в течение нескольких дней. Так что ставки высоки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Инуиты – этническая группа коренных народов Северной Америки, проживающая приблизительно на 1/3 северных территорий Канады от полуострова Лабрадор до устья реки Маккензи.

2

Ретриверы – один из типов охотничьих собак. Задача таких собак – найти и принести охотнику подстреленную добычу неповрежденной. Поэтому они должны обладать хорошим нюхом, мягким характером и мягкой челюстью.

3

Плевральный выпот – скопление жидкости в плевральной полости, вызванное различными причинами.

4

Инфузионная терапия – метод лечения, основанный на введении в кровотоки различных растворов определенного объема и концентрации с целью коррекции патологических потерь организма или их предотвращения.

5

Сурикат – вид млекопитающих из семейства Мангустовые (Herpestidae). Распространен в Южной Африке (в основном в районе пустыни Калахари: на территориях юго-западной Анголы, Намибии).

6

Микоплазма – род бактерий класса Микоплазмы (Mollicutes), не имеющих клеточной стенки. Представители вида могут быть паразитарными или сапротрофными.

7

Редьярд Киплинг. «Просто сказки» (перевод С. Маршака).

8

1 миля – 1,6 км.

9

Миопатия – хронические прогрессирующие нервно-мышечные заболевания, характеризующиеся первичным поражением мышц.

10

Гипертермия – перегревание, накопление избыточного тепла в организме животных и человека с повышением температуры тела.

Ацидоз – смещение кислотно-щелочного баланса организма в сторону увеличения кислотности (уменьшения pH).

Купить: https://tellnovel.me/ru/krenston_dzhonatan/zapiski-puteshestvuyuschego-veterinara-neskuchnye-istorii-o-dikih-pacientah

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)